

В том, чтобы продолжать род

в красивом особняке в городе Бляйхероде. Это, пожалуй, был единственный период моего сознательного детства, когда я жила с обоими родителями. Конечно, отец был очень занят на работе. В будние дни мы с мамой ездили по территории Германии, осматривали достопримечательности, замки. Отец нам предоставил машину с шофёром-немцем. А в выходные дни мы путешествовали всей семьёй. Это было самое счастливое время. Я мечтала, что когда у отца здесь закончится работа, то мы уедем и будем всегда жить вместе. Но этого, к сожалению, не случилось. Всю свою школьную жизнь я прожила с двумя бабушками и двумя дедушками.

Квартира маминих родителей во время войны пропала, её заняли под госпиталь, и поэтому когда мы вернулись из эвакуации в 1943 году, то жить нам было негде. А в квартире на Коношковской, которую в 1936 году получил мой отец, в одной 12-метровой комнате жила мама, а в другую, 11-метровую, поселили семью сотрудника НКВД с женой и двумя детьми. Кухня в той квартире была всего 4 метра. И поэтому ещё четырёх человек (бабушку, дедушку, меня и няню) там разместить было совершенно невозможно.

Тогда Мария Николаевна — мама моего отца — отдала нам одну из двух комнат в своей квартире в Марьиной Роще. Ту самую, где мои родители жили после женитьбы и куда принесли меня из роддома в 1935 году.

Так мы и жили — в одной комнате бабушка, дедушка (мамыны родители) и я. В другой комнате — другие бабушка и дедушка. Няня спала на раскладушке в кухне, позже она вышла замуж и уехала. Это была, конечно, уникальная ситуация. Я не слышала, чтобы кто-нибудь ещё жил с двумя бабушками и двумя дедушками. Они меня очень любили и, что называется, сдували пылинки. При этом у меня никогда не было своей кровати (я спала на раскладушке за шкафом) и никогда не было письменного стола. Я делала уроки на сундуке в коридоре. Уши затыкала ватой, потому что на кухне бабушки обсуждали какие-то проблемы, в одной комнате дедушка Максимилиан Николаевич (мамин отец) смотрел телевизор, а в другой комнате дедушка Григорий Михайлович «бубнил» свои лекции. Он преподавал начертательную геометрию в МИИТе. И я на коленях на сундуке делала все уроки и окончила школу с золотой медалью.

Поэтому основное общение с отцом мне запомнилось именно в тот период, когда мы вместе жили в Германии.

— Развод родителей — это всегда тяжело для детей. Как вы пережили эту ситуацию?

— Так случилось, что в 1947 году мои родители расстались. Я этого не знала, так как жила с бабушками и дедушками, а родители приезжали к нам, мама каждый день, а отец периодически. А я всё время только мечтала о том, что окончу школу, и мы наконец будем жить вме-

сте. По-видимому, я была единственной, кто ничего не знал об этой трагедии в нашей семье.

Официальный развод родителей в 1949 году для меня был как гром среди ясного неба. Мне было 14 лет. Меня вызвали с дачи, я приехала и увидела маму в ужасном состоянии. Развод уже состоялся. Плакали обе бабушки, грустными были оба дедушки. Я как сейчас помню эту жуткую картину (от воспоминаний у Н.С. дрогнули губы и наворачнулись слёзы). Я не могла понять, в чем дело? Потом, когда мне всё объяснили, я очень тяжело пережила эту ситуацию. Я безумно любила родителей. А маму я просто боготворила, она была для меня идеалом женщины и человека.

” Я безумно любила родителей. А маму я просто боготворила, она была для меня идеалом женщины и человека.

Моя мама, Ксения Максимилиановна Винцентини, — потомственная итальянка, невероятно красивая, с яркими синими глазами, великолепной фигурой, абсолютно седая. Она поседела в ночь, когда арестовали моего отца. У неё были совершенно правильные черты лица. Даже на фотографии видно, что она очень красивая (Н.С. показывает фотографию своей матери). При этом она была прекрасный человек,

С.П. Королёв с трёхмесячной дочерью Наташей на даче. Барвиха, июль 1935 года.

идеальный врач, очень умная, и даже остроумная. Её любили все родственники, обожали больные и коллеги по работе. Я никак не могла понять, как отец мог предпочесть ей другую женщину. Для меня это было невероятно. Моё сердце, конечно, было на стороне мамы. Поначалу я была на отца очень обижена из-за развода. Мама тяжело переживала. Она очень его любила. Вся семья, в том числе и Мария Николаевна, были полностью на её стороне.

Мы, конечно, продолжали общаться. Встречи в основном были на даче или на квартире у бабушки, когда он туда приезжал. Я к нему домой не ездила, потому что мама не хотела, чтобы я встречалась с его второй женой Ниной Ивановной. Видимо, чисто по-женски ей это было неприятно.

Позже, в 1956 году, когда я повзрослела, у нас с отцом произошла запоминающаяся встреча. Я тогда проходила практику в хотьковской больнице, а он приехал меня навестить. Мы гуляли по лесу и о многом говорили. Папа мне рассказывал о том, что будут космические поезда, что будут орбитальные станции. Я, конечно, не верила, что человек полетит в космос, думала, что это фантастика. А в конце нашей встречи я всё-таки решилась и задала вопрос, который не давал мне покоя: «Почему они с мамой расстались?» Он ответил, что отношения между мужчиной и женщиной — очень сложная область человеческих отношений, и, возможно, я смогу это понять, когда сама выйду замуж.

И я поняла тогда ещё то, что и отец и мама очень любили своё дело и не представляли без него своей жизни. Мама была хирургом травматологом-ортопедом. Она работала в Боткинской больнице, была доцентом кафедры. Отец, когда поселился в Подлипках, предлагал ей переехать к нему. Но для этого ей пришлось бы бросить работу, потому что добираться на общественном транспорте было не реально, а машин никаких в семье не было. Кроме этого, до мамы уже дошли слухи, что

Сергей Королёв с бабушкой Марией Матвеевной и мамой Марией Николаевной, г. Нежин, 1910 год.

и имею право делать всё, что считаю нужным. Мне очень хотелось с ним больше общаться. Я позвонила отцу, убедилась, что он дома, ничего не сказала, села в такси и быстро приехала. Когда я вошла в дом, Нина Ивановна решила, что я приехала не просто так, а потому, что мне что-нибудь нужно. Но я сказала: «Папа, я тебя очень люблю. Мне ничего не нужно. У меня всё есть. Сносное жильё (комната в коммуналке), есть муж, семья, есть хорошая работа. Мне ничего не надо. Я просто хочу, чтобы мы виделись, потому что я тебя очень люблю и очень скучаю». Он был очень рад, обнял меня, и мы чудесно провели время.

Я рассказала об этом маме, и она меня поняла, она знала, что мне давно этого хотелось.

— Какое влияние оказал отец на вашу судьбу или, может быть, на характер?

— На мою судьбу, не знаю. На мою карьеру никакого влияния не оказал абсолютно, потому что его имя долгое время было засекречено. Сейчас я очень хорошо знаю всю жизнь моего отца и могу сказать, что некоторые черты его характера передались мне по наследству. Например, целеустремлённость. Я буквально в трёхлетнем возрасте поставила себе цель стать хирургом. Хотя моя мама была против. Но я всё время слышала разговоры в семье об операциях. Иногда мама меня брала к себе на работу в Боткинскую больницу. А в 1944 году мне там довелось полежать в связи с операцией по поводу аппендицита. Ещё шла война, в больнице было много раненых. Я видела, как люди относились к моей маме. Когда она входила в палату, в которой лежали солдаты, все перевязанные, в шинях, в гипсе, с поднятыми ногами и руками, с

гирами, в тяжёлом моральном состоянии, было впечатление, что в палату вошло солнце. Они все сразу улыбались, все к ней тянулись. Когда она шла по коридору, то даже нянечки к ней подходили и обнимали. И я, конечно, хотела быть врачом, как мама.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что у меня была такая же целеустремлённость, как и у отца, которая прошла через всю его жизнь. Но справедливости ради следует признать, что и у моей мамы целеустремлённости было не меньше.

Ещё, я думаю, мне передавалось его трудолюбие. Я могла заниматься день и ночь. Мне это было совершенно несложно. Для него так и вовсе были сутки коротки. В молодости он даже спал через ночь. Я, конечно, спала каждую ночь, но я и раньше и сейчас могу заниматься с утра до ночи, особенно если мне что-то надо. Потому, я заметила, что у нас много общих интересов. Например, у него был любимый художник Айвазовский и у меня тоже. Любимый писатель у нас обоих Лев Толстой. Однажды я приехала к отцу и рассказала, что посмотрела фильм «Мари-Октябрь» о французском сопротивлении, который мне очень понравился. А он ответил, что тоже посмотрел этот фильм и считает его замечательным. Первый концерт Чайковского — наше с ним любимое музыкальное произведение. Он очень любил игру в волейбол, и у меня это любимая игра. Всю жизнь до последнего времени если случалась возможность, то я играла в волейбол. То есть совпадений у нас с ним много.

(Продолжение интервью в следующем номере «КП» — в субботу, 11 апреля)